

РУССКОЕ Слово

WWW.RUSLO.CZ

ИЗДАНИЕ
РУССКОЙ
ДИАСПОРЫ
В ЧЕШСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ

Дипломаты Йосеф
и Вацлав Гирса

Интервью с Евгенией
Чириковой

Чешский и русский
Збраслав

№ 6/2011
МАЙ

50 Kč

22 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Вероломное нападение или превентивная война?

Дипломаты Йосеф и Вацлав Гирса

Продолжение, начало в № 4, № 5/2011

Часть 3

Йосеф Гирса
в 1931 году

Йосеф Гирса

Йосеф Гирса (1874—1967), достигнув школьного возраста, покинул отчий дом. Родители направили его в Житомир, где он учился в четырехклассной школе. После окончания ее поступил в Главное училище садоводства России в городе Умани, тогда Подольской губернии. Это училище с 1859 года находилось в знаменитом дендропарке «Софиевка», основанном графом Станиславом Потоцким в конце XVIII—начале XIX столетия. Ныне это Уманский аграрный университет. Там же Йосеф посещал частные просветительские курсы. Он владел русским, чешским и польским языками в совершенстве, а немецким достаточно, как писал в анкете.

На службе у земельных магнатов империи

После окончания учебы в Умани, в 1896—1898 годах, Й. Гирса проходил практику в имениях графа Альфреда Потоцкого в Подольской губернии. Там, в окрестностях Уладовки, работал управляющим пятью графскими экономиями его отец, то же Йосеф Гирса. После практики Йосеф-сын семь лет работал управляющим «экономией» графа в Колобабинцах. В конце 1903-го — начале 1904 года в результате интриг произошел конфликт. Главный управляющий, директор сахарного завода Романский, разрешил его несправедливо, по мнению Йосефа и его отца, человека принципиального, амбициозного и немолодого. Ему было 79 лет. Оба Гирсы уволились. Тридцатилетний Йосеф-сын поступил в 1904 году на службу к князю Н. П. Лопухину-Демидову управляющим имением в Корсунь

(с 1944 года — город Корсунь-Шевченковский) в Каневском уезде Киевской губернии. Позже, в 1921 году, в автобиографии он написал: «Знание промышленных и народнохозяйственных вопросов позволило поставить меня главным руководителем большого имения князя Н. П. Лопухина-Демидова, а также разных больших принадлежавших ему промышленных предприятий».

Следует отметить, что на протяжении предыдущих десятилетий это большое хозяйство (27 000 га земли, сахарные заводы и другие предприятия) приходило в упадок в связи с последствиями отмены крепостного права, неумением вести хозяйство в новых условиях и особенностями образа жизни титулованных владельцев.

Так, Лебединский рафинадный завод, что возле Шполы, перешел во владение молодого сахарозаводчика И. Бродского, земельные участки постепенно продавались. Хозяйство закладывалось, периодически царь выделял помощь, даже стоял вопрос о продаже всего имения.

Предыдущий управляющий был уволен как не справившийся со своими обязанностями.

Вслед за сыном в Корсунь переехали отец с матерью и сестра Мария. Они купили там дом. Осенью 1904 года в Корсунь приехал брат Йосефа Вацлав. Он, ассистент киевской университетской клиники, был приглашен князем Н. П. Лопухиным-Демидовым в качестве личного врача и одновременно заведующим лечебницей в Корсунь (см. «Русское слово» № 4/2011).

Второго февраля 1906 года 32-летний Йосеф женился на 17-летней Александре Трофимовне Ромашенко, православной уроженке Корсуни. Это была украинская красавица, черноволосая, кареглазая

с румяным округлым лицом. Она служила «девочкой по хозяйству» при семье Гирса и стала достойной, спокойной и здравомыслящей женой. 6 июля 1907 года в молодой семье родился сын, получивший при крещении в православной церкви Корсуни имя Иван (Ян). Через три года, 12 мая 1910 года, у них родилась дочь Вера, крещенная в той же церкви. А в 1909 году семья усыновила новорожденного мальчика Михаила. Усыновление было проведено по русским законам в консистории г. Киева.

Йосеф обладал сильным характером, был знатоком своего дела, требовательным к себе и подчиненным. Он наладил работу персонала хозяйств и канцелярии. Княгиня заметила, что возросли доходы. Появились завистники, внушавшие княгине, что иностранцы ее обманывают. Начались также конфликты между нею и опекуном советом, заботившимся о сохранности большого имения. Был даже прислан царем генерал Лихарев, который проводил следствие. Княгиня нервничала.

В это время, в 1910 году, умер князь Н. П. Лопухин-Демидов. Владельцем имения стал его сын Александр, лейб-гвардии полковник, который в Корсунь бывал только наездами. А его мать, кня-

Контора управляющего и башня ворот замка князя Лопухина-Демидова

Корсунь. Дом, принадлежавший князю Н. П. Лопухину-Демидову. Современный вид.

гиня Ольга Вениаминовна — дочь дворянского брата П. Столыпина, проживала в имении постоянно, периодически выезжая с двумя дочерьми за границу, где щеголяла своими драгоценностями. Во дворце жили и другие родственники князя. Новый хозяин и его мать продолжали существовать не по средствам. Имение закладывалось, земли постепенно продавались.

Братья покинули Корсунь

Практика доктора Вацлава Гирсы за семь лет работы хирургом в Корсуне расширилась. В этот же период он оперировал в Богуславе и Стеблево — родине украинского писателя И. С. Нечуй-Левицкого, — стал известным среди земских врачей окрестных уездов. После смерти князя Вацлав стал работать в Киеве в Александровской больнице и переехал с семьей в город. В 1911 году В. Гирса был приглашен заведовать хирургическим отделением 1-й Земской губернской больницы в Киеве (Кирилловская больница).

Йосеф также ушел со службы у княгини. В 1912 году он стал руководителем сахарного завода и экономий Марьевской акционерной компании в Ольховатке Воронежской губернии. В Корсуне остались 87-летний Йосеф Гирса-отец с матерью и сестра Мария. Летом продолжали приезжать на отдых из Праги Рейнсберги и из Киева Вацлав с семьей.

Годы войны и революций

После начала Первой мировой войны Й. Гирса был мобилизован в российскую армию как подданный империи и назначен руководителем заводов и хозяйств,

работавших на военные нужды там же, в Воронежской губернии. Это позволило ему участвовать в снабжении формирующихся чехословацких воинских частей и военнопленных в лагерях. Участвуя в снабжении госпиталей Юго-Западного фронта, он познакомился с женой генерала А. А. Брусилова Надеждой Владимировной, которая опекала их. После Февральской революции он продолжал службу при Временном правительстве. Одно время даже был избран председателем местного исполнительного комитета.

После Октябрьского переворота Йосеф вернулся в Украину. Там была у власти Центральная Рада, а потом гетманат П. Скоропадского с немецкой защитой. Й. Гирса работал в 1918 году руководителем сахарного завода в Малой Виске Херсонской губернии (ныне Кировоградская обл.), а затем в конце 1918 и в 1919 годах был членом коллегии Дубовязовского сахарного завода в Черниговской губернии (ныне в Сумской области).

В документах личного дела, хранящегося в архиве МИДа Чешской Республики, и в рукописи воспоминаний из семейного архива¹ сказано, что после прихода большевиков с чекистами в Украину Йосеф был в июле 1919 году арестован. Это произошло в Киеве, в квартире Вацлава и Берты на Б. Житомирской. Его отвезли в Конотоп, уездный центр Дубовязовки, там содержали в тюрьме. Вместе с арестованными поляками приговорили к расстрелу. Спасла его жена Александра. Она собрала рабочих сахарного завода и жителей ближайших сел, которые положительно характеризовали его перед чекистами. Поэтому его не расстреляли, как осужденных поляков.

Шестого августа 1920 года перед отправкой в Брянск Й. Гирса попрощался

с женой на станции в Конотопе. В Брянске его записали в группу польских заложников, подлежащих обмену на пленных большевиков, и перевезли в Москву. В то время польские войска вторглись на территорию Украины и Белоруссии. Йосефа Гирсу и других заложников доставили в арестантском вагоне из Москвы в Варшаву и передали польским властям. Так в мае 1920 года, проведя почти год в заключении, он оказался в Польше свободным. О семье ничего не знал. Он писал: «Украина была занята большевиками, ... мой план ехать из Польши к семье был неисполним. Это меня удручало, но выхода из создавшегося положения не было. Подумав, я решил остаться в Польше...». В поисках заработка Й. Гирса пошел в Варшаву в Министерство земледелия, где встретил знакомых по Украине агрономов и рассказал им о своих проблемах. Они его участливо выслушали. На следующий день он узнал, что принят на службу как уполномоченный министерства в Познаньскую часть Польши. Приехав в Познань, он с увлечением взялся за новое дело. Мысль о поисках семьи не оставляла его, но в это время шла война между Польшей и советской Россией. Ничего нельзя было сделать. В личном деле записано, что он с 15 июня 1920 года по 20 мая 1921-го работал служащим VII класса в Польском министерстве земледелия в Познани².

¹ Й. Гирса. Мои воспоминания. Часть 3. 1920—1931 гг. Машинопись. Текст русский. Личный архив инж. Павла Гирсы.

² Некоторые историки пишут, что Йосеф Гирса вступил в Чехословацкий корпус, прошел с Легионом через Сибирь и Дальний Восток, откуда вернулся на родину. Это утверждение не соответствует действительности.

Встреча братьев в Праге в 1921 г. перед отъездом Йосефа в Россию. Сидят: Берта, Вацлав и Зденка Гирсы, Анна и Йосеф Рейнсберги. Стоят: Йосеф Гирса, Марианна Кафкова (?) и Константин Наголкин.

Польский чиновник стал чехословацким дипломатом

Дальнейшая судьба Йосефа Гирсы связана с его службой в Министерстве иностранных дел Чехословацкой Республики как дипломата, аккредитованного сначала в УССР, затем РСФСР и, наконец, в СССР. Поэтому следует рассмотреть особенности чехословацко-советских межгосударственных отношений в те годы.

Руководители Чехословацкого национального совета Т. Г. Масарик и Э. Бенеш еще до провозглашения Чехословацкой Республики отрицательно относились к большевистской революции. Но Т. Г. Масарик понимал, что «советская власть пришла надолго». Об этом он писал в своем меморандуме президенту США Вильсону 10 апреля 1918 года, посланном из Токио.

Через три дня после провозглашения в Праге Чехословацкой Республики, 31 октября 1918 года, народный комиссар иностранных дел Советского правительства Г. В. Чичерин прислал в Прагу депешу с предложением начать переговоры об установлении межгосударственных отношений. События в Сибири требовали этого. Предложение было отклонено. Следующие предложения Наркоминдела РСФСР от 25 декабря 1918 года и 5 января 1919 года также остались без ответа. Действовала объявленная Антантой блокада Советской России. Это вызвало негативное отношение Советов к правительству молодой республики.

В это время на громадной территории от Волги до Амура и Владивостока шел военный конфликт, именуемый в советской историографии как «Чехословацкий мятеж». Очередное, четвертое советское предложение о переговорах пришло в Прагу спустя год после третьего — 25 февраля 1920 года, после отмены Ан-

тантой блокады, разгрома армии А. В. Колчака, его расстрела, а также подписания в Сибири перемирия между частями Красной армии и Чехословацким корпусом. Согласие начать переговоры чехословацкая сторона дала не сразу, а только через полтора месяца. Это произошло 8 апреля 1920 года после консультаций Э. Бенеша с Ллойд-Джоржем и Д. Керзоном в Лондоне. Заметим, что Англия, соблюдая свои интересы, в это время уже вела переговоры с Советами о торговых отношениях, а Франция с Польшей обсуждала действия польских войск, вторгшихся в Белоруссию и Украину.

Первым вопросом чехословацко-советских переговоров была репатриация военнопленных и граждан. Договорились быстро. В июне 1920 года начали работать репатриационные миссии Красного Креста. Чехословацкие миссии возглавили: в Москве майор Йосеф Скала, а в Харькове капитан Я. Шагр. Миссии имели филиалы в ряде больших городов: Петрограде, Киеве, Тифлисе и др. Российской миссией в Праге руководил Соломон Гиллерсон, который вскоре переключился с гуманитарной работы на активный шпионаж, был уличен в этом и вынужден был покинуть Прагу. Его заменил Павел Мостовенко. Украинской миссией в Праге руководил М. В. Левицкий.

Мероприятия по репатриации завершились в конце лета 1921 года, и миссии Красного креста превращались в государственные торговые миссии с консульскими функциями. Они требовали компетентных работников. Й. Гирса, еще работая в Польше, 29 апреля 1921 года написал заявление в МИД Чехословакии о желании поступить туда на работу. 17 мая 1921 года он был принят как договорный служащий VIII класса и начал готовиться к службе в новом амплу — чиновником

торговой миссии. Й. Гирсе предписывалось, кроме вопросов торговли и технического сотрудничества, регулярно информировать министерство о текущих событиях в месте аккредитации и делать аналитические обзоры. После поисков он нашел только трех сотрудников, согласившихся ехать с ним в Россию.

Потом Йосеф писал: «Мы запаслись целым вагоном разной провизии, белья, одежды и обуви. В середине июля 1921 года выехали из Праги в Москву через Варшаву. Прощание с братом, его женой и детьми было очень трогательным. Брат знал, что эта поездка опасна во всех отношениях и был тем сильно обеспокоен. В Варшаве задержались на несколько дней, так как поезд к советской границе ходил один раз в неделю. Здесь я встретил своих хороших друзей, с которыми сидел в тюрьме в Москве. Это был крупный помещик Г. Лащ, юрист Лануха, журналист Хржановский и генерал Витавский. Я их приглашал каждый вечер к ужину и рад был с ними вспомнить все пережитое...»

24 июля Й. Гирса с сотрудниками выехали из Варшавы и через три дня прибыли в Минск, от которого до Москвы ехали еще два дня. На состоянии железной дороги сказывалась война. В вагонах была грязь и клопы. В Москву приехали на Александровский (ныне Белорусский) вокзал, а оттуда на извозчике поехали в окрестности в Мало-Харитоньевском переулке 10, где их встретил служащий чехословацкой репатриационной военной миссии доктор В. Зноемский, юрист, выпускник Киевского университета, будущий консул в Кракове, родственник Марии Червены (Зноемской) (см. «Русское слово» №№ 3, 4, 5/2010). Эта поездка взволновала Й. Гирсу: полтора года назад его, приговоренного к расстрелу, везли в Москву как заложника под охраной в арестантском вагоне, а сейчас он

приехал, хоть и в оборванном, но спальном вагоне как иностранный дипломат. Затем предстояло ехать в Харьков, но туда поезда ходили один раз в неделю. Об одном из дней ожидания он писал: «Я был приглашен к первому заместителю наркоминдела М. М. Литвинову (Меер-Гену Балаху — Авт.), бывшему киевлянину, большевику-подпольщику, и имел с ним продолжительную беседу. Он интересовался жизнью в Европе, проявлял любознательность, произвел на меня впечатление хитрого, себе на уме человека, сухого, не поддающегося никаким посторонним влияниям, с практическим умом».

Шестого августа 1921 года Й. Гирса прибыл в Харьков, в то время столицу Украины, как председатель торговой миссии ЧСР в УССР. Только теперь он узнал, что семья находится в Корсуне, что мать умерла в 1920 году от сердечного приступа после того, как большевики реквизируют дом. На другой день он был принят председателем совнаркома Украины Христианом Раковским, которому вручил свои верительные грамоты. Прием был любезный и торжественный. После официального приема началась частная беседа, во время которой Й. Гирса попросил Х. Раковского о содействии в переезде семьи из Корсуни в Харьков. Тот был удивлен, что его семья находится в Украине, и тут же распорядился предоставить специальный вагон-салон для переезда семьи.

В Корсунь, вместе с вагоном-салонном и запасом продовольствия, был командирован сотрудник миссии А. М. Брабец. Поездка была трудной — поезда к Корсуне не ходили, почтовой и телеграфной связи не было. Через неделю семья приехала. Жена Саша, перенесшая сыпной, а потом брюшной тиф, была сильно ослаблена и истощена. Дети Вера и Миша также болели тифом, но в более легкой форме, а от голода исхудали.

Йосеф Гирса в конце того же месяца был назначен также председателем торговой миссии в РСФСР и стал представителем своей страны в двух советских республиках. Он уехал с семьей в Москву, оставив в Харькове своим заместителем члена бывшей репатриационной миссии Вацлава Бенеша, волынского чеха, которого ему еще в Праге рекомендовал брат Вацлав. Верительные грамоты в Москве Й. Гирса сдал 10 октября 1921 года. Так бывший управляющий имениями земельных магнатов стал чехословацким дипломатом, аккредитованным в двух республиках. Это произошло потому, что он знал хозяйственную специфику и традиции России лучше своего предшественника — профессионала, которого перевели на другую дипломатическую работу. Й. Гирса умел лучше профессиональных дипломатов взаимодействовать с «новой большевистской дипломатией», у которой были свои правила, нормы и этика, отличные от общепринятых, европейских.

Голодные годы

В 1921 году в РСФСР и УССР начался голод невероятных масштабов: голодало 33 миллиона человек. Й. Гирса как опытный аграрий сразу после приезда оценил обстановку и послал телеграмму в Прагу в Министерство иностранных дел о том, что Россия самостоятельно с голодом не справится и нужна международная помощь.

Он по-своему объяснял причину голода: «Нет сомнения, что мировая и гражданская войны здесь в некоторой степени виноваты. Но о главной причине этого неслыханного бедствия большевики умышленно молчали. Голод начался осенью 1921 г., мировая война закончилась в 1918 г., а гражданская — в 1920 г., ...уже видно, что всю вину на это сваливать нельзя, ...голод был только в 25 губерниях. Главная причина этого голода была в исторических словах В. И. Ленина: „Грабь награбленное!“. Варварским, диким и бессмысленным грабежом и полным разгромом всего количества культурных, хорошо оборудованных и организованных крупных помещичьих хозяйств, был нанесен громадный удар всему земледелию, а тем самым урожайность понизилась не менее чем на 60 %. Это есть главная и неоспоримая причина, которая доказана цифрами.

...На Волге, Юге Украины и в Крыму бывают периодические засухи через каждые 3—4 года. Население этих богатых губерний о таких бедствиях знает, и для избежания голода всегда имело годичный запас зерна и кормов для скота. Поэтому засуху переживали спокойно. ...Советской властью России эти запасы выкачивались даже при помощи вооруженной силы, так что в 1920 году люди остались без какого-либо запаса. Этим исчерпываю свое объяснение главных причин голода в названных губерниях». Английский дипломат и историк Роберт Конквест в своей книге «Урожай печали» в 1986 году, через шестьдесят пять лет, пришел к такому же выводу. Он не читал рукописи воспоминаний Й. Гирсы.

13 июля 1921 года писатель Максим Горький разослал телеграмму «Всем честным людям Европы и Америки», с воззванием, чтобы помогли страдающему советскому народу. Она была опубликована в Праге в газете *Rudé právo* 6 августа 1921 года. Полярный исследователь Фритьоф Нансен обратился с трибуны Лиги Наций ко всему человечеству со своей знаменитой речью, в которой спрашивал: «Правда ли, что правительства не могут выделить пять миллионов фунтов, чтобы предотвратить гибель двадцати миллионов человек от голодной смерти? Эта сумма, составляет лишь половину того, во что обходится постройка одного боевого корабля». Выступил Международный Красный Крест, а также с воззванием к мировому пролетариату обратился Коммунистический интернационал.

Заметим, что во время голода в СССР в 1932—33 годы, когда умирали голодной

смертью миллионы земледельцев в Советском Союзе, особенно много в Украине, не было ни подобных международных акций, ни внутренних. Молчала пресса. И молчала она долго. Помнится, как по прошествии двадцати лет, в 1952 году великовозрастные студенты одного вуза, участники Второй мировой войны, живые свидетели и мученики того голодомора, в том числе и один из авторов этих строк, задавали вопросы лектору кафедры истории ВКП(б), современнику тех событий, о причинах голода. Он лицемерно отвечал, что этого не было, что не знает об этом, что кафедра не располагает сведениями о голоде 1932—33 годов.

Чехословакия начала акцию помощи голодающим сразу после воззвания М. Горького. Уже 28 июля 1921 года правительство создало «Постоянный межминистерский комитет». После правительственного воззвания 11—15 сентября по всей республике проходил сбор денег и вещей. Была организована помощь на обновление российского земледелия. Правительство выделило кредит 10 миллионов крон.

Непосредственными руководителями исполнения государственных мероприятий стали братья Вацлав и Йосеф Гирса: в соответствии с их служебным положением в Министерстве иностранных дел и как знатоки бывшей Российской империи. 2 сентября 1921 года Полномочный министр ЧС Республики В. Гирса направил в Москву письмо № 24516:

«Председателю торговой миссии Республики Чехословакия в России и Украине Йосефу Гирсе.

Правительство поручило Министерству Иностранных дел организацию помощи голодающим в России, назначает Вас своим представителем при правительствах РСФСР и УССР, приказывает Вам завязать с разрешения указанных правительств рабочие контакты по всем вопросам, касающимся помощи голодающим, со всеми организациями, которым эта деятельность поручена.

О ходе работы Министерства иностранных дел эти органы будут извещены, и одновременно Министерство будет получать от них сведения и специальные запросы».

Была выслана Й. Гирсе инструкция о том, что делать при контактах с российским комитетом помощи голодающим. В ней говорилось: «Информируйте нас часто и точно о состоянии дел в России, о голоде, о политической ситуации, какие люди входят в комитет помощи, все ли коммунисты...»

В Москве был организован «Специальный комитет» под руководством «всероссийского старосты» М. И. Калинина. После переговоров Йосефа Гирсы с его членами, народными комиссарами торговли Л. Б. Каменевым и иностранных дел Г. В. Чичериным, был заключен специальный договор, и началось его исполнение.

Окончание в следующем номере

Александр и Дина Муратовы

Фото: архив авторов и архив семьи Гирса